

самолёт, входящий в светлое

И.Савченко. 8.95-1. Самолет, входящий в светлое. 1995.

СВИДЕТЕЛЬСТВО СУДЬБЫ

Новая поэтическая книга Евгения Блажеевского

Сейчас традиционного поэта подстерегает множество губительных опасностей, которые проистекают из соблазнов нынешнего дня. Скольких сделала инвалидами неуёмная жажда пророчествования, которая минуемо приводит пишущего в рифму и разбивающего стихотворение на строфы в положение Судии? Ну и соблазн метать громы и молнии в непомерно расплодившихся модернистов, которые более удачливы на поприще получения славистских стипендий. И он велик. В конце концов обилие дешёвых водок и вин заставило не одного гордо реявшего традиционалиста уйти в глубокий штопор...

Все эти печальные мысли о судьбах вчерашних товарищей начинают овладевать после прочтения книги Евгения Блажеевского "Лицом к погоне", вышедшей в издательстве "Книжный сад" тиражом 3000 экземпляров. Ведь могли же подобно ему пройти меж Сциллой и Харибдой и сохранить достоинство Поэта.

Данная книга, как это принято у традиционалистов, являясь свидетельством судьбы автора, представляет нам Поэта в его единственно и естественно возможной ныне фазе не Судии, а Очевидца или Свидетеля. Причём его свидетельство не распространяется на поверхностный слой бытия, который повинуюсь закону сезонно-исторических приливов и отливов осмысливает себя при помощи газетных штампов, тасуя составленную из всевозможных "брокеров", "ударников", "новых русских", "посланцев народа", "предпринимателей", "спекулянтов" колоду.

Создаётся впечатление, что Блажеевский живёт отнюдь не в жадной до сводок новостей Москве, а где-нибудь на такой периферии, где информация распространяется не при помощи волн Максвелла, а изустно. Где не имеет никакого смысла курс доллара, кто кому набил морду в Думе, какими прокладками пользуется Алёна Апина и куда делась нефтьдоллары. Жизнь на поверку оказывается айсбергом, большая её часть спрятана от пристальных взоров телеобъективов. Причём там, в глубине, она не склонная существовать в зависимости от того, насколько подтаяла или намёрзла надводная верхушка.

Ведь образ мышления народа, и как составная его часть - лирического героя книги, или, как нынче принято говорить, его менталитет формируется не пятилетками и даже не столетиями. Поэтом герой Блажеевского рассеян, он с лёгкостью путает - семидесятые ли годы стоят на дворе или уже начались девяностые. Не случайно стихи в книге сгруппированы не в хронологическом порядке, а тематически (что, в принципе, не ново). Но удивляет, как они не только онтологически, но и "экстерьерно" однородны. Поэт произносит долгий, растянувшийся на тридцать лет, монолог, что-то себе доказывая, с чем-то соглашаясь, а что-то отвергая. При этом напрочь отсутствует "точка прозрения", благодаря которой в конце прошлого десятилетия множество советских поэтов стали антисоветскими. Просто Блажеевский знал нашу подлинную историю задолго до "огоньковских" разоблачительных публикаций. Например, в 70-е годы разыскал и проинтервьюировал одну из любовниц Берии (стихотворение "Фрагменты диалога с Антониной Васильевной").

Однако Евгений Блажеевский - лирик. Поэтому, как мы уже успели отметить, его взор устремлён не на социальные моменты, а в глубь себя. И ещё на ближайшее своё предметно-бытовое окружение, что характерно для поколения семидесятников, к которому он принадлежит. Скрупулёзное поэтическое бытописание было вполне оправдано в условиях развитого государственного института регистрации лишь беспросветной лжи. Поэтому если бы не господство литераторы, писавшие в стол, навряд ли наши дети узнали бы - как мы жили: как любили, кого презирали, что пили и чем закусьвали, как путешествовали... Однако у Блажеевского все эти бытовые, казалось бы, мелочи подчас слагаются в эпические картины. Наиболее характерно это прослеживается в цикле "Из армейской тетради":

Дышала стель и горячо, и сухо.

Шмелёв сказал:

"Я не вернусь в отряд.

Я больше не желаю,

Я - не сука,

Которую пинает каждый гнус..."
И на глазах у нас переделся:
Ремень солдатский - на ремень
гражданский,

Вонючие большие сапоги - на
башмаки, подаренные кем-то,
И грубую стройбатовскую робу -
на синюю рубашку и штаны...

Переплетение стихов разных лет
придаёт книге необычное качество
предвидения будущего. В словах
молодого лирического героя порой
угадываются очертания судьбы героя
изрядно уже пожившего. А нынешний
герой смотрит на себя юного отнюдь не
свысока и без какого бы то ни было
брюзжания. Они на равных владеют
жизнью, единственной и неделимой. Разве
что сейчас добавилась щемящая тоска,
потому что "пора понимать, что вот-вот и
зима на дворе", без которой, собственно,
русской поэзии не может быть. Точнее, не
может быть её традиционного крыла.

В отношении каких-то технических
моментов применительно к поэту такого
класса, конечно, говорить не имеет смысла.
Следует лишь упомянуть, что в книге
можно обнаружить венок сонетов,
называющийся "Осенняя дорога". Ну а
после этого невозможно из него что-нибудь
не процитировать.

Не кафтан - и судьбы никому не дано
перешить -

Этот мир, что надет на тебя поначалу на
вырост

И просторен вполне, но потом начинает
душить

Воротник и потёртый пиджак, из
которого вырос.

Ни вольготно плечом повести, ни
спокойно вздохнуть -

И в шагу, и под мышками режет суровая
складка.

И уже не фабричная ткань облегла твою грудь
И запястья твои, а сплошная кирпичная кладка!

Впрочем, это гипербола выгнула спину дугою,
И кирпичный костюм - вроде сказочки Шарля Перро.
Видно, время прошло и, возможно, настало другое,
Непонятное мне... И куда-то уходит горенье
Суматошного сердца, и падает на пол перо,
Коли водка сладка, коли сделалось горьким варенье...

ХУДОЖНИКИ ЧИТАЮТ КНИГУ ОКАМЕНЕВШЕЙ ЖИЗНИ

Пространство галереи "SPIDER & MOUSE" (Ленинградский пр., 58, м. "Аэропорт") до конца апреля представляло собой ландшафт, умеренно обработанный огнём. Это непосредственно связано с прошедшей здесь выставкой армянских художников Наринэ Золян и Арутюна Зулумяна, которая так прямо и называлась: "Метафизика ландшафта".

Никакого пожара здесь не было. Просто некоторые элементы экспозиции в силу того, что в формировании ландшафта участвовали все природные стихии, были подожжены в мастерской, а затем быстро потушены. Причудливый ландшафт включал в себя чуть ли не все природные и искусственные материалы, известные человечеству: от известняка, помнящего доисторические тектонические кошмары, до элементов радиоаппаратуры, с ужасом вспоминающие пьяное зачатие от советского радиомонтажника-производителя.

Авторы выставки вполне правомерно считают, что ландшафт - это наше всё: Свидетель сформировавшего его потока времени и Свидетельство неведомых нам первопричин. Отпечаток бытия, порождающий в нас неясные тревожно-величественные ощущения. Это сама Судьба, явленная нам в своём единственно возможном завершённом варианте как некий непостижимый Урок. И в этой непостижимости заключается то ли щадящее нас, но скорее безразличное к нашим потугам отсутствие дидактики.

Однако Наринэ Золян и Арутюн Зулумян пытались и пытаются прочитать язык природных стихий. Именно прочитать, а не расшифровать, поскольку процесс прочтения рассчитан на участие в нём интерпретирующего читателя, который является существом субъективным, сознание которого хранит свой собственный текст, как внесённый теми же самыми ландшафтостроительными силами, так и приобретённый самостоятельно. (Не лишне отметить, что авторы экспозиции немало почерпнули из книги философа Валерия Подороги "Метафизика ландшафта").

Получившийся при помощи наложения друг на друга этих двух текстов результирующий текст художники воплотили в некие художественные образы, которые разложили на полу, подвесили к потолку и укрепили на стенах. Получилось довольно объективно-субъективно: окаменелости соседствовали с витающими в воздухе библейскими стихами, запелёнутые бутылки были обсыпаны резисторами и транзисторами, экспонировались даже сильно смасштабированный букетик цветов, доска со святым, обугленные рисунки с неразборчивыми надписями... Единственное, что слегка настораживало, так это использование в качестве материала ячеистых картонок из-под яиц, что отсылало к вульгарной идее достопамятного Валерия Айзенберга, которая гласит: "Всё вышло из яйца". Однако всё это от нашей московской субъективности, до которой нет никакого дела армянским художникам.

Полученное ландшафтное пространство оказалось очень по душе господину Пауку и госпоже Мыши (псевдонимы хозяев галереи Игоря Иогансона и Марины Перчихиной), и они с удовольствием исследовали каждый его потаённый уголок. Надо отдать должное этим двум отважным людям, которые за год с небольшим добились признания московскими экспертами актуальности предложенного ими нового направления в концептуализме - экзистенциального. Теперь на вернисажи в "SPIDER & MOUSE" начали приходить толпы самых взыскательных наблюдателей московской художественной жизни.